

УДК 398.22(=512.145)

Р. М. Гайфутдинова
Лицей-интернат №7 г. Казань

ЭТНОЭПИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ (методологические предпосылки)

Аннотация. В эпоху глобализации идет пересмотр традиционных культурных ценностей и традиций, что часто ведет к искусственному противопоставлению «новых» и «старых» мировоззренческих установок (идей, ценностей и ценностных смыслов), в частности придание ранее негативным событиям истории абсолютно противоположное содержание. В связи с этим в данной статье рассматривается этноэпические нарративы этнокультурного наследия как фундаментальная основа культуры (как гештальт национальной и этнической культур). Представленные в этноэпических нарративах художественные образы интерпретируются путем метода идеации (усмотрение идей) и идеализации (как литературный прием) через повторяемые эпические приемы.

Объектом является этноэпическое наследие татарского народа.

Цель – изучить и проинтерпретировать этноэпический нарратив на новом ракурсе (философско-культурологическом дискурсе).

Традиционные и универсальные культурные феномены и ноумены архетипической модели этноэпического нарратива традиционной культуры составляют ценностное ядро (субстрат) этнической, а затем и национальной культуры. В процессе ревитализации этнической культуры особую роль призваны сыграть разноуровневые эпические традиции этноса, народа. Также сохранение и воспроизводство основных ценностных смыслов заложенных в этноэпических нарративах дает возможность поддерживать установленный общественный порядок. Т. к. выявление этнокультурной традиции татар Поволжья с рядомположными полиэтническими традициями и не только тюркскими помогает раскрыть сущность бытия континуума этнических традиций, экспликация их роли для национальной культуры. Интерпретация разнуровневых традиций своего рода субстрата и суперстрата социокультурного пространства народов Поволжья дает возможность эксплицировать модусы основных архетипов и архетипических образов, а также архетипических элементов современной национальной культуры. Поэтому важно изучить и транслировать базовые ценностные смыслы этноэпического наследия традиционной культуры.

Ключевые слова: этноэпическое наследие, этноэпический нарратив, героический эпос, гипербола, эпигет, звуковой символизм, культурный феномен, объективизация, эпическая картина мира, бытие народа, национальная культура, традиционная культура.

R.M. Gaifutdinova

Ethnic-epic narrative of the Tatars of the Volga region (methodological assumptions)

Abstract. In the era of globalization there is a review of many cultural values and traditions, which often leads to artificial contrasting of the “new” and “old” worldviews – the ideas, values and meanings, as well as attributing a completely opposite content to previously negative events of history. In this regard, the article discusses ethnic-epic narratives of ethnic-cultural heritage as the fundamental basis of culture (as a Gestalt of national and ethnic cultures). The artistic images presented in ethnic-epic narratives are interpreted by the method of ideation (discretion of ideas) and idealization (as a literary approach) through repeated epic approaches.

The object is the ethnic-epic heritage of the Tatar people.

The aim is to study and interpret the ethnic-epic narrative on a new aspect (philosophical and cultural discourse).

Traditional and universal cultural phenomena and noumenon of the archetypal model of the ethnic-epic narrative of traditional culture compose the value core (substrate) of ethnic, and then national culture. In the process of the revitalization of ethnic culture a special role is played by the multilevel epic traditions of the ethnos and the people. Also, the preservation and reproduction of the basic value meanings laid down in ethnic-epic narratives makes it possible to maintain the established social order. Since the identification of the ethnic-cultural tradition of the Tatars of the Volga region with polyethnic traditions and not only Turkic traditions helps to reveal the essence of the continuum of ethnic traditions, the explication of their role for national culture. Interpretation of different-level traditions of a kind of substratum and superstratum of sociocultural space of peoples of the Volga region makes it possible to explicate the modes of the main archetypes and archetypal images, as well as the archetypal elements of modern national culture. Therefore, it is important to study and translate the basic value meanings of the ethnic-epic heritage of traditional culture.

Keywords: ethnic-epic heritage, ethnic-epic narrative, heroic epic, hyperbole, epithet, sound symbolism, a cultural phenomenon, the objectification, epic picture of the world, being of the people, national culture, traditional culture.

Введение

Сегодня как никогда ранее в общественной жизни происходят процессы глобализации, а в рамках него – интеграции и дезинтеграции стран и народов. Эти процессы сопровождаются явлениями гомогенности и гетерогенности в культуре, обуславливая изменения ее ценностного контента, ядром которого всегда служили исторически вырабатываемые этнические традиции. В связи с этим, назревает социально-культурная необходимость в философско-культурологическом дискурсе проблем исторического бытия этноэпических нарративов с точки зрения тех ценностных смыслов, которые определяют традиционное ядро современной национальной культуры, – локальных региональных и субкультурных.

Во-первых, новая информационно-интеллектуальная эра породила такое «планетарное» сознание, которая сегодня управляет процессами стимулирования глобализации и, одновременно, дифференциации культур. Последнее отражается в многообразии потребительских интересов, где существенную роль, наряду с экономической составляющей, играет и социально-культурная сторона. Самоопределение современной России исходит из единства сосуществующих цивилизаций путем реинтеграции – с одной стороны, и потребностями наций на самоопределение, их языковой, этносемиотичной, культурной идентичности – с другой. Ведь уникальность духовной культуры народа, его традиций – важнейшее составляющее звено всей мировой, в т. ч. российской и региональной культур. Отсюда, социокультурная ориентация не только модернизацию, но и на традиционную культуру.

Во-вторых, традиционная культура татар, в которой корневую ее основу составляет этноэпическое наследие, то есть его народный эпос, отличается своей рудиментарностью, максимальной укорененностью в территориальной и геоклиматической обусловленностях. И именно на этой исторической почве первоначально зарождаются образы эпических героев-батыров – архаических, родоплеменных, предания которых, передаются из уст в уста, из поколения в поколения, тем самым обретает собственно народные черты, а со временем национальную и шире региональную ценность. Исторически народы, в частности, тюркоязычные создавали эпические образы как своего рода «культурные идеалы», прежде всего выделяя в них героические черты, что отвечало, как в прошлом, так и сегодня потребности в эталонах для культивирования у юношества чувств патриотизма, беззаветной преданности своей стране и народу. Таким образом, изучение этноэпического наследия необходим для регенерации тех новых социально-культурных ценностных смыслов и значений, которые становятся противовесом тенденциям нивелирующей глобализации этнонациональной десубъективизации, и могут внести, тем самым, весомый вклад в разноцветие российской социально-культурной жизни.

В-третьих, исследование данной темы способствует конкретизации общетеоретической проблематики для углубленного, обоснованного понимания того жизнеспособного ядра этноэпического наследия, что присуще любой тюркоязычной традиционной культуре, но на характерном примере татар Поволжья.

Этноэпический нарратив: философско-культурологический аспект

Традиционная культура системна, т. е. саморегулирующая целостность и в то же время многоуровневая: в ней – разные пласты. Она непосредственно относится к этносу и определяется его особенностями. Это – по преимуществу этническая культура, в ней уровни – доэтническая и этническая, национальная и общечеловеческая. В традиционной культуре этническое начало сопряжено прежде всего с эпическим творчеством народа – с эпосом, в котором героический эпос играет особую роль, т. к. в нем концентрируются идеально-ценностные представления этноса, и о жизненном мире и об идеальном герое в татарском эпосе – о герое-батыре. Именно в нем – в эпическом герое-батыре, таких как Идегей, Ак Кубек, Чура батыр, Сякам персонифицируются чаяния народа о силе и могуществе, о справедливой власти и о победах над врагом, о чудесах и о необыкновенных свойствах смертного человека, его возможностях в преодолении жизненных препятствий. Этноэпическое наследие у татар составляет, прежде всего, укорененное явление, которое является важнейшей частью традиционной культуры народа, можно сказать, даже его «сердцевиной». Таким образом, термин «этноэпическое наследие» представляет собой содержательный компонент культурного наследия и является феноменом устной художественной традиции. В нем выделяют такие жанры как «эпос» и «эпическое сказание», при этом архаическое в эпосе, как глубина проникновения в прошлое, напрямую зависит от характера традиций. Архаические традиции эпоса запечатлевают нормы и идеалы, понятия и представления человека, которые в процессе историко-общественного развития народа подвергались различным модификациям и тогда эпос выработал такие емкие художественные образы, которые были способны существовать целые столетия, примером чего и являются классические героические сказания «Ак Кубек», «Идегей» и «Чура батыр» [1].

В традиционной культуре под *нарративом* следует понимать прежде всего эпических произведений в их сказательной темпоральности и известной самодостаточности [2]. Ведь нарратив и есть последовательное воспроизведение бытия текста, отличительной чертой которого становится субъективное повествование или «объясняющий рассказ» [3], т. е. *текст-объект* в его процессуальности. Кроме того, в культурологии *нарратив* рассматривается как новый стиль знакового явления или символический комплекс ценностно-смысловых кодов культуры. Иными словами, нарратив обозначает оторванное от реальной объективности повествование или эпическое описание, которое «присуще народной прозе, в частности, при воспроизведении исторических событий, и укоренено в этноархаическом пласте традиционной культуры». Ведь эпосу и эпическому сказанию как народному творчеству имманентно, сущностно присущ *нарратив* [4]. Итак, в статье под *нарративом* понимается повествовательная природа модуса бытия эпического текста, включая такие укорененные традицией его элементы как «сказательность» и самоконституирующие ценностные смыслы. Далее «идеацию» (усмотрение идей) рассматриваем как саморазвернутую характеристику исторических личностей и событий, преобразование их в художественные образы, в частности, через приемы одухотворения или «анимации» предметов бытия – богатырских снаряжений, природных явлений и прочих объектов. Рифмованное и метафорическое строение эпического текста, и наконец, своеобразные формы понимания и объективизации ценностных смыслов заложены в эпических нарративах таких как Жизнь и Судьба, Природа и Человек, Добро и Зло, Смерть и Бессмертие и укоренены в этнической ментальности как части традиционной национальной культуры. Следует особо отметить, что в нарративе процессуальность повествования разворачивается вследствие природы и задачи самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, скажем в целях изменить слушателей, т. е. в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой [3].

Если символическую выразительность *нарратива* представить, как указание на его скрытые ценностные смыслы, то эпический текст будет напоминать универсальную сверхэтническую культурно-ценностную «мозаику». Ведь эпический текст как нарратив предстает как веер соотношений эпической событийности и символичности, явленного и скрытого, повествовательного и мифологического, цикличного и контекстуального. И все это в целом и в отдельности направлено на то, чтобы более грандиозно и величественно отобразить эпический образ батыра как представителя этнокультурного мира и в его культуросозидающей мощи. *Самореализация* же главного

героя *нарратива* с точки зрения исследования как вовлеченного понимания помогает реконструировать и интерпретировать ценностный смысл Человека как субъекта традиционной культуры.

В эпическом тексте *нарратив* [5] как саморазвёртывающееся повествование подразумевает присутствие и участие, по крайней мере, трех субъектов или участников этого процесса: непосредственно автора эпического текста – импровизатора, в диалоге с повествователем как прилежного и, одновременно, исполнителя, а также современного исследователя текста – как интерпретатора, способного к самоосознанию. Этноэпический нарратив при этом – «живое слово», которое передается из поколения в поколение, переходя из уст в уста, изменяется и «перерабатывается» в соответствии с переменами общественной жизни народа и подлежит, в конечном счете, не канонизации, а модификации. Ведь система «мерцающих» ценностных смыслов обрастает иными, привносимыми историческими ценностями. Со сменой типа общественной жизни в эпическом наследии как бы происходит своеобразная смена одних вариантов сказаний другими, что проявляется прежде всего в смене поколений эпических героев – образов. Ведь процессуальное сообщение в нарративе охватывает не только изображения и оценки когда-то происходивших в истории реальных событий, но и утверждение видоизменяющихся идеалов народа – более усложненных и исторически конкретизированных. Так, например, в классическом эпосе преобладает идея защиты народных начал [6], потому-то и герой вырисовывается как своего рода «*стандарт ценностей*» (Манро), который воплощает в себе эталоны «культурного героя» с его такими чертами характера, как мужество и стойкость, любовь к родине и отзывчивость, правдивость и выдержанность, жизнерадостность, а также особый склад ума, храбрость и смелость. Иными словами, именно в герое сосредоточиваются «*прасимволы культуры*» (О. Шпенглер). Оценочный принцип эпоса освобождает героя от трагических ошибок и несправедливости. А потому если герою суждены видоизменения в худшую сторону, то он беззастенчиво оттесняется повествователем на второй план. Следовательно, в эпосе разных эпох встречаются *батыры* разных времен – «от архаических родоплеменных до трансформированных в героев общенародных – национальных и региональных» [7]. В эпических сказаниях такие общие места как мужественная красота, исполинский облик, выносливость, меткость при стрельбе [8] – традиционно участвуют в создании внешнего и внутреннего портрета главного героя. Данные типичные черты позволяют рассмотреть образ батыра с разных точек, но в одинаковых тенденциях его развития, бытования. «Чудеса» свойственны только тем героям, которые честны, правдивы, усердны в делах и отважны перед лицом опасностей. Главный герой эпических сказаний является своеобразным медиатором, что подчеркивается его двойственной природой как представителя своего мира и мира иного, Я и Другого. А потому он – носитель эпических традиций со своей положительной динамикой.

В рамках *чувственного понимания* и толкования эпического текста немислимо без выявления элементов *символичности* и *мифологичности текста*, а также ценностно-смысловых проявлений символов и знаков как своего рода «маркеров» и исторических кодов. В них обнаруживается накопленный традицией опыт не только на историческом, но на актуальном социально-культурном уровнях. А нарратив предстает как процессуальное повествование о персональных и персонифицированных качествах героя и его жизненного мира, и притом многообразие вспомогательных персонажей, предметов и явлений, а также темпоральность сюжета в немалой степени характеризуют *жизненный мир* героя.

Ценностное ядро как субстрат этноэпического нарратива обнаруживается в таких сюжетных *актах* как чудесное рождение героя и, одновременно, его скакуна в один и тот же день, как сватовство героя, требующее от него героического подвига, а также приключения и состязания. Кроме того, к чудесным актам относятся героическое детство и добывание коня или богатырской сабли как воинского снаряжения, наречение именем через инициацию, притом – двуликость имени, то есть герой нарекается при рождении и после обряда инициации как своего рода вторичное рождение, который также сопровождается наречением. Наделение героя сверхчеловеческими и магическими качествами, или же вещей сон богатыря и его матери, и наконец, гибель героя и др. приобретают особую значимость при интерпретации образа героя и художественное обобщение героической деятельности батыра составляют эпический реализм нарратива.

Многообразие устойчивых эпических элементов фабулы, наличие мифологем как «кот» («душа»), «серебряное лицо», «божий гнев» обнаруживают иерархию ценностей и ценностных смыслов нарративов. В нарративе также персонифицируются такие природные явления как гроза и молния, такие природные объекты как луна, солнце и звезды, леса, озера и горы. А потому эпический текст – это особый язык, подобно языку искусства, т. к., интерпретируя знаки эпоса, можно раскрыть его скрытую суть и веер ценностных смыслов. Следовательно, в данном контексте *символы в нарративах* – это устойчивые элементы континуума и одновременно механизм культуры, т. к. символы переносят текст как набор значений, его сюжетные и семиотические схемы, структуры из одной культуры в другой, где они дополняются новыми смысловыми значениями, не утрачивая минувшее. В основном, через символичность переданы телесная и физиологическая конституция героев, экспансивная окраска голоса героя, или же взгляда батыра, а также его военные снаряжения как продолжение части его героичной телесности. Например, для изображения героев в произведениях встречаются сравнения, которые в своем значении связаны с качеством металла и драгоценных камней – с медью и золотом, с серебром и железом [9]. Все это как бы одушевленные феномены жизненного мира человека. В сказании «Ак Кубек» герой еще в утробе матери сообщает о том, что как только появится на этот свет, поцелует свою сноху с «серебряным лицом». В данной ситуации «Көмеш шәкте жиңги» (сноха с серебряным лицом) [1] буквально обозначает «что-то очень ценное – родное и дорогое». Подобные эпитеты – знаки, указывающие на особую близость персонажей герою, они отмечены «блеском серебра» как отсветом важнейшего для древневосточных культур светила – Луны.

Нарратив – это также форма объективизации представлений о мире, где существование индивида и коллектива предстает как единое целое, которое возможно лишь в рамках мифологического. Когда исследователь интерпретирует феномены эпического текста, то погружается в атмосферу исторического бытия и времени: он начинает идентифицировать себя с данной этнокультурной общностью. Ведь, обнаруживая себя в данном контексте, мы подразумеваем конструирование жизненного мира нарратива с его реальностью, т. е. объективизируем представления о мире. Во-вторых, «мерцающие» ценностные смыслы в культурных кодах этноэпического нарратива несут определенную схему, реконструкцию «прошлого» в диалоге разных культур – через обнаружение эпической истории человека в самом себе, и через приобщение к миропредставлениям народа. В-третьих, в эпосе идеализация дает возможность охарактеризовать этноэпические образы как архетипы традиционной национальной культуры. Тем самым, их взаимодействие с реальностью – Пространством и Временем – помогает раскрыть *неизвестное через известное*. Элементами этноэпического нарратива являются мифологичность и символичность, где мифический знак является инструментом мировоззрения и миропонимания. А символ появляется на более поздних этапах – разделения человеческого бытия на физическое и духовное, с появлением рефлексии и теоретических идей, т. к. символ – это всегда соединение того, что разомкнуто: мира реального и божественного, земли и неба, человека и другого, иного. Также для мифологического мышления характерна диалектичность, которая отождествляет субъективное и объективное, внутреннее и внешнее, часть и целое, образ и явление и т. п., т. е. социально-практическое постижение мира воплощается в смыслообразах культуры. Например, в эпосе тюркоязычных народов масть и порода коней – ключевой момент при описании богатырского коня, т. к. для кочевого народа конь является средством передвижения, участником походов, а зачастую верным помощником при бедствиях. А потому эпическая идеализация богатырского коня предусматривает идеализацию главного героя и интерпретируется как часть целого и не только. Более того в этноэпическом нарративе такое отождествление выливается в художественное сравнение, где все предстает в символических образах – «чувственно воспринимаемых объектах» – эпического повествования для объективизации окружающего мира как единого целого и также самобытного толкования жизненного мира человека. Эти описания – своеобразные модели мира, которые определяют и современное состояние этноэпического наследия с его объяснительной и процессуальной природой, закодированное в ценностных смыслах. Так, можно выделить мифологические модели (об-

разы) антропологического характера, связанные с генеалогией татарского народа, где происхождение человека восходит к образу Белого Змея или же тотемному животному – Белого волка. А у сибирских татар наиболее почитаемыми животными до сих пор является Белый лебедь-куман, когда-то с него начинался род племени *мангыт*. Космогонические мифы повествуют о происхождении мироздания и связаны с Солнцем, Луной и Звездами, а также содержат генезис космологии древних богов и богинь, так, например, Тенгри и Умай. Мифологические образы связаны с анимизмом, с мифами о злых духах и чудовищах Белого дива, Аждаха (Дракон), Убырлыкарчык (Ведьмы), Мангуша (Злого духа), также с образами Водяной («Су абаасы»), Духом леса (Шүрәле), Домовым (Өй иясе) [10].

В современной культуре «миф» также предстает в определенном образе реальности, и его конструирующая роль – в преобладании космоса над современным хаосом, также обусловлен модусами бытия человека. Подытоживая можно сказать, что традиционная культура – это система со сложной и многоуровневой структурой, также система ценностных смыслов с их самодостаточностью и процессуальностью, иными словами «бытия-и-мира» с ее уровнями архаичной, традиционной и модернизированной культур. *Ценностное* ядро такой культуры – это наиболее консервативные и медленно меняющиеся ценности. Ведь укорененность культуры охватывает не только конструирующие, но и стабилизирующие ценности, отсюда их устойчивость и гомогенность ценностных смыслов, также их выживаемость при взаимодействии жизни культуры, сфера контента и значения. Ценностные смыслы наиболее мобильные по отношению к ценностному «ядру», это скорее «мерцающие» смыслы, которые нуждаются в реконструкции и интерпретации. Архаико-традиционное ядро более всего нуждается в извлечении и реконструкции, при этом каждое поколение сказателей привносил свои изменения, воспроизводя нарратив через акты импровизации в рамках традиционного исполнения.

Заключение

В традиционной культуре этническое начало татарского народа сопряжено с эпосом, в котором героический эпос играет особенную роль, т. к. в нем концентрируются идеально-ценностные представления этноса о жизненном мире и об идеальном герое-батыре. Основываясь на историко-культурную близость этноса можно сказать, что этническое начало татарского народа является своего рода «мифом» тюркского «суперэтноса», т. к. татары являются его составной частью. Темпоральное соотношение в субстрате культуры исторически разноуровневых традиций – этнической и национальной – позволяют рассмотреть этноэпический нарратив как результат познания бытия народа и его миропредставления. При этом этноэпические традиции характеризуют соотношения героического, эпического и исторического.

Более того эти «мерцающие» смыслы показывают преемственность эпических традиций, в результате которой появляются классические героические сказания как «Идегей», «Ак Кубек», «Чура батыр» и «Кыссаи Сякам». Поликультурной особенностью данных сказаний выступают низменно этноэпические традиции тюркоязычных народов, где показаны неповторимые черты разноцветия народов Поволжья и не только. Эпицентром традиций является собирательный образ Батыра (гештальт культуры), который всегда стремится к созиданию, к миропорядку. Выделяя свой идеал, народ уподобляет его не только божеству, но и закладывает в нем «сверхчеловеческое» начало. Проявление главным героем своих сверхчеловеческих способностей выделяет его среди остальных героев как субстрата этноэпических традиций. Динамика этноэпических традиций показывает динамику традиционной национальной культуры, т. к. народ, создавая эпические образы в лице гуманных героев и своих правителей, выделяет их как своих героев, которые несут специальные коды, символы и знаки, позволяющие их выделять и типологизировать. Интеграция эпических традиций выражает своего рода историческую микромодель определенной эпохи, а потому представленные в эпосе главные герои можно обозначить как типы героев, соответствующих определенным культурным периодам – «архаический», «классический» и «социально-религиозный». Культурно-историческая реальность этноэпических нарративов в традиционной культуре показывают жизненный мир и его национальный характер, менталитет современной татарской нации.

Литература

1. Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләр язучы, сүзлекне әзерләүче Ф. В. Әхмәтова-Урманче. – Казан: Раннур, 2004. – 640 б. (на татарском яз.)
2. Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: Идея-пресс, 2002. – 194 с.
3. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196-238.
4. Булатова Д. С. Элементы нарратива и мифотворчества в музейном искусстве (на этнокультурном материале) // Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 255-260.
5. Культурология XX век: словарь. – М.-СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
6. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 690 с.
7. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 18 с.
8. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – СПб.: Наука, 1974. – 723 с.
9. Гайфутдинова Р. М. Язык символов народных сказаний: эпические приемы создания образа батыра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (42), в 3-х ч. Ч.1. – С. 51-54.

References

1. Tatar jeposy. Dastannar [Tatar epic. Dastans] / Tözyche, keresh mäkalä häm iskärtmäler jazuchy, syzlekne äzerrläyche F. V. Ähmätova-Urmanche. – Kazan: Rannur, 2004. – 640 b. (na tatarskom jaz.)
2. Danto A. Analiticheskaja filosofija istorii [Analytic philosophy of history]. – M.: Ideja-press, 2002. – 194 s.
3. Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov [Introduction to structural analysis of narrative texts] // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. fr. i vstup. st. G. K. Kosikova. – M.: Progress, 2000. – S. 196-238.
4. Bulatova D. S. Jelementy narrativa i mifotvorchestva v muzejnom iskusstve (na jetnokul'turnom materaile) [Elements of narrative and mythopoetry in museum art (on the basis of ethnic-cultural material)] // Problemy revitalizacii tradionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Joshkar-Ola, 2008. – S. 255-260.
5. Kul'turologija XX vek: slovar' [Culturology XX century: dictionary]. – M.-SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. – 640 s.
6. Zhirmunskij V. M. Narodnyj geroicheskij jepos [National heroic epic]. – M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. – 690 s.
7. Putilov B. N. Jekskursy v teoriju i istoriju slavyanskogo jeposa [Insight to the theory and history of Slavic epic]. – Spb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. – 18 s.
8. Zhirmunskij V. M. Tjurkskij geroicheskij jepos [Turkic heroic epic]. – Spb.: Nauka, 1974. – 723 s.
9. Gajfutdinova R. M. Jazyk simvolov narodnyh skazanij: jepicheskie priemy sozdaniya obraz batyra [Language of national legends symbols: epic approaches of composing the image of batyr] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. – № 12 (42), v 3-h ch. Ch. 1. – S. 51-54.

